Пустая колыбель

Автор:
Вера Ард

Пустая колыбель

Вера Ард

Страшная эпидемия поразила страну. С каждым днем все больше новорожденных становятся жертвами неизвестной болезни, не дающей детям прожить на свете и дня. Врачи бьют тревогу, а религиозные и политические деятели пытаются использовать ситуацию в своих целях. Долгожданная беременность для героини оборачивается кошмаром. Несмотря на мнение окружающих, она решает сохранить ребенка, не представляя к каким ужасным последствиям это приведёт. Победитель конкурса «Перепиши 2020». Вадим Панов о книге: «„Пустая колыбель“ для меня – безусловный лидер (среди конкурсантов). Вера Ард отыскала идеальную середину между сентиментальной историей и подлинной драмой. Книга, уверен, будет интересна широкому кругу читателей».

Вера Ард

Пустая колыбель

Часть 1. Дневник

Анна, я долго думала и решила, что вы правы. Пока есть время, стоит записать свою историю. Варю забрали час назад. Сегодня для нее все закончится, мне же

ждать еще два дня. Сидеть в одиночестве невыносимо. А дневник – хороший способ вспомнить все по порядку и попробовать поверить, что я ни в чем не виновата…

Месяц первый. Октябрь

Не помню точное число, но уверена, что был понедельник. Середина октября. Я стояла в туалете, держа в руках тест на беременность. Две полоски. Пять минут назад, доставая тест из коробки, я еще не знала, какой результат хочу увидеть. Второго ребенка мне давно хотелось, но каждый раз, когда не получалось, я ловила себя на мысли, что, может, и к лучшему. Алине одиннадцать, она самостоятельная почти взрослая личность, а тут снова: грязные подгузники, колики, бессонные ночи. Да еще и девять месяцев беременности с уймой проблем, про которые иной раз не расскажешь и подругам. Но, увидев в тот день две полоски, я почувствовала, что к глазам подбираются слезы, и прошептала: «Благодарю тебя, Господи».

Пару минут я стояла замерев и не могла заставить себя выбросить тест. Нет, хранить его или показывать мужу я не собиралась. Мне казались глупыми эти сентиментальные игры. Я представила выражение лица Олега, если бы он развернул подарочную бумагу, как показывают в слезливых мелодрамах, и увидел там ЭТО. Сначала недоумение, за ним понимание, а потом жуткая брезгливость и вопрос: «Ты что, на него писала?»

Олег, Олег… Я так боялась, как он отреагирует. Мы приняли это решение вместе и уже больше года пытались зачать ребенка, но никак не получалось. Врачи не видели причины. Да, нам обоим за тридцать пять, мы не так молоды и здоровы, но обследования никаких серьезных проблем не показывали.

Спустя год попыток я успокоилась и решила, что если не выйдет, значит, не судьба. Больше мучить себя не буду: сдавать анализы, пить лекарства с гормонами, высчитывать подходящие дни, заниматься сексом по расписанию. Хватит. Вернемся к обычному образу жизни, получится – хорошо, нет – значит, нет, в конце концов, дочь – уже подросток, лет через десять у нас и внуки могут появиться.

Когда я сказала о своем решении мужу, он не расстроился, а даже будто обрадовался. Я знала, что хочу второго ребенка сильнее, чем Олег, но при этом была уверена: он будет прекрасным отцом. Олег обожал Алину. Именно поэтому после той истории мы все еще были вместе. Никто не смог бы заменить Алине отца. В глубине души я надеялась, что сейчас будет мальчик. От этого муж точно будет счастлив, как бы он ни говорил, что лишь глупцы считают жизненно важным родить сына.

Олег… Я любила его. Несмотря ни на что. Олег и Алина. Моя семья. Но нас должно было стать больше.

Услышав шум открывающейся двери, я выглянула из кухни, где готовила ужин, в прихожую. Муж пришел с работы. Все мысли улетучились. Я просто стояла и глупо улыбалась. Олег посмотрел на меня своими карими глазами, будто выпучив их. На лице застыло непонимание.

– Ты чего? Как-то странно выглядишь, – спросил он.

Слова застряли в горле. Я продолжала стоять и глупо улыбаться. Он покачал головой и наклонился развязать шнурки. Когда муж снял ботинки и куртку, я просто подошла и крепко обняла его. Олег выше меня ростом и немного полноват, поэтому я уткнулась лицом ему в грудь. Он был мягкий и очень родной.

– Маш, да что случилось-то? – муж все еще не понимал.

Я подняла глаза вверх и посмотрела на него. Снова навернулись слезы. Прошептала:

– Я беременна.

Не помню, что было дальше. Кажется, на лице его отразился шок. Я даже не рассказывала про задержку в этом месяце: надоело каждый раз надеяться. Сам он не стал бы считать: это наши женские штучки, мужчинам не до них. Потом, когда шок прошел, Олег начал расспрашивать меня. Я сказала, что ничего еще не знаю. Просто тест положительный. Он ответил, что нужно сделать УЗИ, сдать нормальные анализы: не стоит заранее радоваться, вдруг ошибка. Сейчас мне кажется, что он успокаивал не меня, а себя. Олег не хотел менять привычный

уклад жизни.

Мы договорились, что ничего пока не скажем Алине. Сначала все проверить, полностью обследоваться. Она так привыкла быть единственной. Быть центром нашей семьи с самого рождения. Я не представляла, как делить любовь к дочери еще с кем-то. И сможет ли она принять малыша и стать ему хорошей сестрой? Мне бы этого очень хотелось.

Муж ушел переодеваться, а я продолжила готовить ужин, ожидая прихода дочери со спортивной секции. Включила на кухне телевизор. Шли новости. Возможно, память играет со мной злую шутку и это было в другой день, но мне кажется, что все-таки в тот. Диктор в новостях сообщила о странных смертях новорожденных детей в московских роддомах. Причины были неизвестны. За последнюю неделю более тридцати малышей без патологий во время беременности погибли от синдрома дыхательных расстройств. Просто перестали дышать в первые сутки после родов. Я помню, как посочувствовала мамам, которые после девяти месяцев беременности вынуждены будут не кормить своих малышей грудью, а хоронить их. Это было ужасно. Потом подумала: как хорошо, что мы не в Москве. Волгоград далеко. Это там у них в столице все время что-то страшное происходит, а нас это не касается.

Месяц второй. Ноябрь

Остаток октября прошел в легкой приятной суете. Я сдала анализы, сделала платное узи. Все подтвердилось. Теперь нужно было добраться до женской консультации и встать на учет. Я не торопилась, срок был совсем маленький. Пока я никому не рассказывала: ни родственникам, ни коллегам.

Помню, как на работе (я редактор на крупном Волгоградском новостном портале) мы впервые обсуждали то, что творится в Москве. Тогда еще довольно беспечно. Вот, типа плохая у них экология, и деньги никакие не спасут. Но количество погибших сразу после родов детей увеличивалось с каждой неделей.

Анна, вы помните, как стали приходить новости из регионов? В конце октября это была Центральная Россия – Рязань, Тверь, Владимир. Как маленькое пятнышко акварельной краски начинает расползаться на тонкой бумаге. Вот

точечка – Москва, вот Подмосковье, вот области вокруг. Первые числа ноября – Санкт-Петербург, Казань, Воронеж и…

– Вы не представляете, что случилось, – в опен-спейс, где нас работало человек тридцать, влетела Саша, одна из наших главных акул пера. Всегда аккуратно причесанная и спокойная, сейчас она была похожа на спортсменку, закончившую бежать длинный марафон. Поневоле я и все рядом сидящие подняли головы.

– Что, Саш? Большая распродажа в Сити Молле? – рассмеялся Денис, наш зам главного редактора, сидевший через один стол от меня.

– Нет, – выдохнула она и посерьезнела. – Я только что разговаривала с одним врачом из Второго Роддома. Началось… Трое детей за последние сутки. Все сразу после родов. Не задышали.

Я схватилась обеими руками за стол, чтобы не потерять сознание. Что-то резко подкатило к горлу, и мне перестало хватать дыхания. Хорошо, что в этот момент никто на меня не смотрел. Все внимание было направлено на Сашу.

– Это точно, то самое? – спросил кто-то.

– Да, по всем признакам похоже. И никаких предпосылок во время беременности не было. Эпидемия и до нас дошла. Врач мне рассказал, что это связано с дефицитом какого-то сурфактанта. Это вещество, которое содержится в легких. Оно начинает формироваться с середины беременности, покрывает легкие изнутри и, грубо говоря, не дает им слипаться. Без этого слоя кислород не может нормально поступать в кровь, легкие не расправляются. Так вот, у погибших детей это вещество во время беременности не образовывалось. Ребенок делает вдох, а кислорода нет. Малышей пытаются к аппарату искусственной вентиляции подключать, но все бесполезно. Легкие не работают. Ребенок умирает.

– Ужас-то какой… Хорошо, что у нас никто не беременный, – произнес Денис. – Не представляю, как жить с этим, зная, чем все может закончиться. В Москве уже выживших процентов десять.

– Вроде сейчас срочно закупают этот сурфактант из-за границы, там научились его выделять из крови животных, – добавила Саша. – Но все равно, это только

временная история. Препарат дорогой, сколько его будут колоть одному ребенку? Если у него в организме ничего не вырабатывается. Явно простым смертным не на что рассчитывать.

– У одного из наших программистов сейчас жена на шестом месяце, – задумчиво произнесла кадровичка. – Тяжко им будет…

Я слушала весь этот разговор будто в тумане. Саша убежала минут через десять, а вокруг все гудело. Страшно, было страшно. Я написала сообщение Олегу, рассказала об услышанном. Он сразу же ответил, пытаясь меня успокоить. Что до родов еще восемь месяцев и произойти может все, что угодно, а если это реальная болезнь, то лекарство от нее найдут, ведь не могут просто так по всей стране умирать дети.

Я убежала в туалет. Меня тошнило, хотя от токсикоза до этого я не страдала. Уже месяц я пыталась отгородить себя от плохих новостей. Я надеялась, что все будет в порядке и нас это не коснется. Но при этом все больше времени я старалась проводить с дочерью, будто пытаясь найти в ней поддержку. Алина ничего не знала и не понимала, почему я так стараюсь лишний раз обнять ее и заняться чем-нибудь вместе. Она уже была подростком, стремящимся всеми силами показать свою взрослость. А мне так хотелось видеть ее маленькой девочкой, цеплявшейся за мои брюки, когда она училась ходить. Будет ли у меня еще малыш? Будут ли вообще дети в этом мире? Как же это страшно! Как страшно! Слезы полились из глаз. Я достала платок и вытерла их. Нет, дотянуть до последнего, никому не говорить. Не хочу этих сочувственных взглядов, вопросов, как будто я в терминальной стадии рака. Нет, нет, я хочу верить, что все будет хорошо.

* * *

Середина ноября. Десятая неделя с последних месячных. Так гинекологи считают срок беременности. Пора было вставать на учет. С прошлого года стало обязательным появляться в женской консультации до двенадцатой недели. И проходить все нужные обследования, иначе потом будут проблемы с получением родового сертификата. Вместо обычного городского роддома тебя отправят в обсервационный – к наркоманкам, бомжам, малолетним матерям, еще не успевшими окончить школу. Там оказывалась лишь экстренная помощь. И дети, как правило, становились отказниками. А маму, наплевавшую на новые правила,

ждало расследование, грозящее серьезным штрафом и отсутствием декретных выплат, если она в суде не могла доказать, что были непреодолимые препятствия, не позволившие ей провести беременность под присмотром врача из государственной поликлиники. Нет, такого себе не могла позволить ни одна нормальная женщина. Когда закон был принят, многие возмущались, что это противоречит конституции и все такое. Но нам сказали, что демографическая ситуация в приоритете, и только государственные женские консультации имеют право сопровождать будущих мам.

Когда я впервые в этом году переступила порог женской консультации, то сразу поняла, насколько все изменилось с моей прошлой беременности. И дело было не в ремонте здания, не в новых плакатах и даже не в медицинских масках, одетых и на сотрудников, и на пациенток. Здесь была совсем другая атмосфера. Тяжелая, мрачная, больше подходившая онкодиспансеру, чем консультации для беременных, где должно править радостное ожидание, но никак не отчаяние.

Всех беременных обязали носить маски и одноразовые перчатки в общественных местах еще в начале ноября. Ученые по телевизору все высказывали предположения, но так и не могли понять, как происходит заражение. Воздушно-капельный путь не исключался. В том, что началась эпидемия, сомнений уже не было. В Москве выживших детей было меньше процента. Европейская часть страны пока отставала от столицы: в разных городах процент выживших был от десяти до шестидесяти. У нас в Волгограде умирало примерно половина детей. Привезенного из-за границы сурфактанта не хватало. Ходили слухи про неофициальное постановление колоть его тем, кто дышал самостоятельно хотя бы десять минут. Таких были единицы. Но уколы поддерживали их лишь в первые сутки. Дети все равно умирали. Эпидемия распространялась и дальше, за Урал, но там пока все было не так страшно. Однако уже не было ни одного города в стране, от Калининграда до Владивостока, где не умирали бы дети. В попытке избежать распространения болезни на прошлой неделе всем беременным женщинам запретили покидать страну. Перед пересечением границы для исключения тех, кто на ранних сроках, всех девушек и женщин от двенадцати до пятидесяти пяти лет заставляли сдавать экспресс-тест на беременность. Наши соседи из СНГ заявляли, что у них эпидемии нет, хотя случаев внезапной младенческой смерти и у них стало больше, чем в статистике за прошлые годы.

Отчаяние на лице не скрыть медицинской маской. Оно в глазах. Вот коридор с кабинетами гинекологов, выкрашенный голубой краской. Вот девушки на

стульях и скамейках, ожидающие вызова к врачу. Они разные. Все. И отличие не только в сроках беременности. Чем больше живот, тем больше страха и боли в глазах. Вот две молоденькие девочки, беременность которых еще не так заметна, тихо шепчутся. Мне неслышно их разговор, но я разбираю отдельные слова: «по телевизору сказали», «ищут лекарство», «выживает один из сотни». А вот мама с большим животом пытается развлечь своего старшего ребенка трех лет. Видимо, его не с кем было оставить дома. Мальчик прыгает по коридору вместе с красной маленькой машинкой. Ему скучно, он хочет на детскую площадку или идти смотреть дома мультики. А его мать с отчаянием в глазах гладит живот. Видимо, малыш толкается. И чем сильнее толчок, тем больше она ощущает, что ребенок внутри нее жив. Жив, пока он в ней. Но ей страшно, что ему не прыгать уже с машинкой по коридору. Роды скоро, и она не верит, что попадет в маленький процент тех, кто уйдет из роддома, держа на руках живого малыша, а не свидетельство о смерти.

Моя очередь. Иду в кабинет, смущенно здороваюсь. За столом сидит наш участковый гинеколог. Та же самая, что и двенадцать лет назад, когда я была беременна Алиной. Только выглядит она старше. Ей должно быть уже хорошо за пятьдесят. Теперь у нее короткая стрижка и покрашенные прядками волосы. Цвет какой-то неестественный, видимо, пытается скрыть седину. Я боялась ее в свои двадцать три. Чувствовала себя двоечницей перед лицом строгой учительницы. Вот и теперь. Она спросила:

– С чем пришли?

Я промямлила в ответ:

– Беременность, десять недель.

– Будете рожать?

– Да, – неуверенно сказала я.

В этот момент на ее лице отразилась злость, как будто долго копившаяся и только сейчас нашедшая выход. В руке была ручка, которую она нервно вертела. Услышав мой ответ, она вдруг отшвырнула ее и чуть ли не закричала:

– Да неужели вы не видите, что творится? У вас есть уже дети?

– Да, дочери 11 лет.

– Так зачем? – еще громче спросила она. – Сделайте аборт, пока срок маленький. Хоть хоронить не придется!

– Почему вы так со мной разговариваете? – теперь злиться начала я. – Это мой ребенок, и я никакой аборт делать не хочу. Все еще может измениться. Найдут лекарство…

Врач посмотрела на меня с жалостью и громко вздохнула.

– Извините. Это ваше дело, конечно, – она сделала паузу и посмотрела в сторону окна, стараясь не встречаться со мной взглядом. – У моей дочери на днях ребенок умер, – добавила она после секундной паузы. – Она сама не своя. Вчера похоронили. Прожил всего пару часов.

– Вы меня простите, – тихо сказала я. – Я очень сочувствую.

Врач откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок. В глазах застыли слезы. Впервые видела ее такой неуверенной в себе. Двенадцать лет назад она мне казалось просто железной. Никаких эмоций. Все четко и по плану. А теперь.

– Вы третья за сегодня, кто пришел вставать на учет, – сказала она, все так же глядя в потолок. – И все верят. Вы просто не видели. Не знаете, что это такое, когда еще несколько часов назад ребенок ворочается в животе, а потом ты смотришь на холодный труп. Маленький, крошечный. Моя дочь тоже верила до последнего. Она сейчас на успокоительных. Видеть ее не могу в таком состоянии.

– Я очень сочувствую, – только и смогла повторить я. Врач собралась с силами и вновь посмотрела на меня. На этот раз уже спокойнее.

– Не имею права вам навязывать свое мнение. Но стоит ли так рисковать? Тем более что у вас уже есть ребенок.

– Я так долго пыталась забеременеть во второй раз, – я стала оправдываться. – Мне не верится, что если все получилось, то только для того, чтобы потом стало

еще хуже. Должно же что-то поменяться, – с надеждой посмотрела я на врача.

– На это все надеются. Но видеть, что сейчас в роддомах – это страшно. Никогда такого не было, – покачала она головой. – Даже во время войны, мне бабушка рассказывала. Дети появлялись под обстрелами и выживали. А тут.

– Неужели нет никаких предположений, отчего это возникло?

– Нет. Как будто какой-то яд проникает в организм матери и через плаценту не дает легким выделять это вещество – сурфактант. На узи до последнего все в норме. А потом просто не срабатывает то, что предусмотрено природой. Как выключатель. Ребенок появился на свет, а дыхание не включилось. Или включилось, но энергии не хватило, и оно выключилось вновь. Только вместо лампочки живой малыш.

Мне было так страшно от ее слов, даже мелькнула мысль: может, она права? Сделать сейчас аборт, и все будет легко, безболезненно, и весь этот кошмар не будет касаться меня. Но в голове сразу всплыло: «Аборт – это убийство, это страшный грех, после которого душе уже не спастись». Мне так говорила мать, выросшая в семье священника. Дедушка много лет служил церкви. Сейчас ему было восемьдесят четыре. Лишь три года назад он оставил свое призвание. Он уже с трудом ходил, но голова до сих пор была ясная. Я поняла, что хочу увидеть его и поговорить. Мне нужен был совет.

– Ну так что? Будем заполнять карту по беременности? – спросила гинеколог.

– Да, будем, – я решила, что до двенадцати недель, когда можно сделать аборт, у меня еще есть время. В голове мелькнуло: «Аборт – слово на замену «убийству».

* * *

Вечером я рассказала мужу про свой разговор с гинекологом. Олег спросил:

– Ты уверена, что не стоит послушать ее совета?

Он старался говорить очень мягко, но внутри у меня будто что-то взорвалось. Словно этот вопрос стал последней каплей, после которой емкость с болью и страхами, стоявшая на краю, вдруг перевернулась и выплеснулась. Я кричала на Олега, говорила, что он никогда не хотел этого ребенка. Что для него это лишняя обуза. Что он не понимает, что это уже живой человек, у которого есть душа, и что аборт – это убийство. Что он хочет сделать убийцей меня, лишь бы ему было легче. И что я, вообще, жалею, что у моего ребенка будет такой отец. В ответ он тоже начал кричать, говоря, что я не думаю о последствиях, все воспринимаю в штыки и что он не хочет оставшиеся семь месяцев терпеть мои истерики, потому что я постоянно буду на нервах из-за происходящего. Олег, вообще, был очень вспыльчив. Еще в первые годы брака мы часто доводили друг друга оскорблениями, но за ссорой всегда следовало жаркое примирение в постели. Лишь с возрастом мы стали спокойнее. Ссоры стали реже, как, впрочем, и секс. Мы были больше родителями, чем мужем и женой. И сейчас Олег говорил, точнее, кричал о том, что он-то думает о нашей семье, в отличие от меня.

– Мама, ты что, беременна? – Мы обернулись одновременно. В дверях кухни стояла Алина. Моя девочка с каштановыми кудряшками и карими глазами, так похожая на отца. На ее лице было написано непонимание.

– Я думала, ты у себя в комнате, – только и смогла сказать я. Я была совершенно не готова сейчас разговаривать с ней на тему своей беременности.

– Вы орали так, что всем соседям слышно, – Алина тяжело дышала и смотрела на меня. – Так ты действительно беременна? – произнесла она уже громче.

– Да, – кивнула я. – Я хотела тебе по-другому об этом рассказать.

– Мама, но что будет? Ведь во всех новостях говорят, что дети умирают. Зачем вам это надо?

Олег стоял и смотрел на меня. Никакой поддержки от него не было. Его взгляд как бы говорил: «Вот и я тебя об этом же спрашиваю, ну что, отвечай».

– Ты же знаешь, мы хотели, чтобы у тебя был братик или сестренка…

– Но зачем? В таком возрасте? Чтоб я ему за няньку была? – Алина повышала голос. У нее сейчас был сложный возраст: истерики и хлопанье дверьми регулярно появлялись в нашей жизни.

– Почему ты так говоришь? – мягко сказала я и подошла к ней, чтобы обнять. – Ты же знаешь, как я люблю тебя.

Алина оттолкнула меня.

– Зачем тебе это нужно? У Димки вот мать тоже беременна, только и разговоров в классе, какие они идиоты, что сейчас собрались второго рожать. И меня все так же обсуждать теперь будут?

– При чем здесь это? – я опять стала заводиться.

– Вы о ком-то, кроме себя, думаете? Зачем вам второй ребенок?

Олег, наконец, вмешался:

– Алина, прекрати так разговаривать с матерью.

– Да вам плевать на меня!

– А тебе на нас нет? – закричала я. – Кто ты такая, чтобы я перед тобой оправдывалась? – я не смогла сдержать злость.

– Я, вообще-то, твоя дочь. И я жива еще. Пока. А если это все заразно? Зачем это? Зачем? – кричала она, на лице заблестели слезы.

– Алина, иди в свою комнату, – произнес Олег. – Вам обеим нужно успокоиться.

Алина взглянула на меня с ненавистью и выбежала из кухни.

– Ну что, довольна? – Олег посмотрел на меня с плохо скрываемой злостью.

Мне ужасно хотелось что-нибудь бросить в него. Чтобы оно полетело и разбилось: кувшин с водой или хотя бы чашку. Иначе бы я просто взорвалась. Я знала, что нельзя, что есть предел, который просто так, без последствий, не перейти. Поэтому под руку попалась упаковка бумажных полотенец. Я швырнула ее в Олега и убежала в ванную. Закрыла дверь, открыла кран и начала рыдать. Минут через пятнадцать он все же постучал и спросил, все ли в порядке. Я ответила: «Уйди». Он ушел. Я посмотрела на себя в зеркало. Мои темные кудрявые волосы спутались, стали похожи на старую мочалку. Лицо было красным и опухшим, глаза напоминали щелочки. Из зеркала на меня смотрела какая-то сорокалетняя алкоголичка, но никак не я – примерная жена и мать.

Месяц третий. Декабрь

Мы собирались ехать на день рождения к моей тетке Просе в Волжский. Не могу сказать, что мы сильно общались, но такие сборы были какой-то традицией, шедшей еще с советских времен. Помню, в детстве меня смешило ее имя. Надо же – Прасковья, Прося. Хорошо хоть не сокращали до Параши, ведь был и такой вариант когда-то. Намучилась она, наверное, в школе. Я всегда думала, что назову дочку как-нибудь красиво. Мама очень возражала против имени Алина – его не было в святцах, но мы с Олегом настояли на своем. Крестить пришлось как Елену.

Алина в тот день не захотела ехать с нами. Ей эти стариковские посиделки были уже давно неинтересны. В те дни она все еще злилась на меня. Я чувствовала ее холодность. Все попытки поговорить по душам она пресекала, демонстративно коротко отвечая, что у нее все хорошо и беседовать нам не о чем. Временами меня это очень злило. Я выходила из себя, кричала на нее, говорила, что не отпущу гулять или отберу телефон. Но толку не было. Она лишь хлопала дверью, игнорировала меня или начинала кричать в ответ. Самое плохое было в том, что Олег по большей части ее поддерживал. Да, формально он вроде бы был со мной, но каждый раз, когда я срывалась из-за Алины или плакала, услышав очередную сводку новостей, муж не утешал меня. В его взгляде читалось: «Я же тебе говорил». Зато к Алине он был еще более внимателен, чем прежде. Он чаще потакал ее капризам и прощал не самые лучшие выходки. Я говорила ему, что нельзя так вести себя. Но Олег отвечал, что не хочет, чтобы Алина страдала из-за моих решений. Наша семья раскололась. Были «я» и «они».

Почти всю дорогу мы ехали молча. Олег включил радио и старался не говорить со мной. Родственники еще ничего не знали о моей беременности, даже мама. До срока в двенадцать недель оставалось дней десять. Я еще могла принять другое решение. В Москве, Питере и в Центральной России за последние полмесяца не родилось ни одного здорового ребенка. Все умерли. В Волгограде уезжал домой с мамой лишь каждый тридцатый новорожденный. Даже сейчас по радио говорили, что ученые бьются над этой проблемой, но не могут ее решить. РДСН – респираторный дистресс-синдром новорожденных, звучало на каждом канале по телевизору. Россия закрыла свои границы. И это помогло избежать распространения заразы в другие страны. Процент погибших от РДСН детей там был такой же, как и в прежние годы. Ученые из разных стран предлагали свою помощь нашим специалистам, но решения все еще не было. Беременным запретили гулять с кем-то, кроме членов семьи, выходить на улицу можно было только в медицинской маске. Хорошо еще, что была зима. В сорокоградусную жару, которая бывает у нас летом, дышать на улице было бы невозможно.

Лето. Мой малыш должен появиться на свет в июне. Как же долго еще ждать…

По радио вещал отец Николай Коломийцев. Очень известный человек. Когда-то он занимал серьезные посты в РПЦ, но потом ему пришлось оставить свою работу и заняться общественной деятельностью. Церковь лишила его сана, но все равно для всех он оставался отцом Николаем. Говорили, что он раскольник, который пытается раскрыть глаза на коммерциализацию церкви и рассказывает о том, что РПЦ давно нужно реформировать. Естественно, что такие замечания стоили ему должностей, но нашлись многие, кто его поддерживал. Видимо, и во властных кругах у него были покровители, ибо с такой биографией отец Николай продолжал появляться на публике и в СМИ. Сейчас он говорил об эпидемии.

Вдруг слова его прервались и заиграла какая-то дурацкая песня. Это Олег переключил станцию.

– Верни, пожалуйста, – попросила я.

– Не хочу слушать эту чушь, – ответил он.

– Верни!

Олег взглянул на меня и, видимо, подумав, что я опять готовлюсь заистерить, вернул выступление отца Николая. Тот говорил вещи, которые мне очень хотелось слышать. Что не все потеряно, что надо верить, надо бороться за своих малышей и быть уверенными, что, даже если Господь заберет их, не успевшими сделать вздох и некрещеными, это не значит, что их не ждут на небе. Крещение – это лишь обряд. Вера в наших душах, и мы, как матери, должны передавать ее своим детям. Он говорил, что мы погрязли в грехах и сиюминутных удовольствиях и именно поэтому нам дано такое испытание. Но он точно знает, что Спаситель явится, чтобы искупить эти грехи, как он делал это прежде. И страшное испытание дано именно нашей стране, как последнему оплоту истинной православной веры. Отец Николай вновь упомянул, что наши попытки заменить истинное общение с Богом процедурами и обрядами не дают нам возможность узреть истинную Его волю. А сейчас Он хочет от нас смирения. Господь лучше нас знает, что нам нужно на самом деле. И если мы хотим выжить как нация, не утратить свою веру, то должны ждать его послания. Он укажет нам, что нужно.

– Да хватит уже слушать эту чушь, – не выдержал Олег. Он выключил радио. – Сил больше нет. Я так в аварию попаду.

– Но я…

– Хватит, – повторил он. – Доедем в тишине. Немного осталось.

Я вздохнула, но спорить не стала. Олег никогда не был верующим человеком. Даже в пост мне приходилось готовить ему отдельную еду. И Алину он просил меня в церковь не водить. Хорошо хоть согласился венчаться, а потом и дочь окрестить. Мама всегда была против наших отношений. Она говорила, что лучше было бы найти человека православного. Но мать и сама вышла замуж за человека, который был довольно равнодушен к религии. Отец практически не вмешивался в мое воспитание. Они прожили вместе долгую жизнь, жаль, из детей у них была только я одна. Еще несколько маминых беременностей закончились выкидышами. Ее мечты о большой семье так и не воплотились в жизнь. Как и мои.

Иногда я думаю, что так хотела второго ребенка, потому что надеялась, что все станет лучше. Ведь нам было хорошо, когда я была беременна Алиной. Олег никогда не был таким заботливым, как в те времена. Он ночью вставал к ее кроватке и укачивал, когда у нее резались зубки, хотя самому с утра надо было

идти на работу. Мне так хотелось вернуть это время. Тогда мы друг друга любили, так, по крайней мере, казалось. А сейчас? Я посмотрела на него, сидящего на водительскомместе, и поняла, что совершенно не знаю, что творится у него в голове.

Мы были уже на грани развода два года назад, когда я узнала о его измене. Я ушла, со злости сама завела любовника. Он был лет на пять старше меня и врал, что разведен. Когда я узнала, что он женат, то сразу бросила его. Быть ничьей любовницей я не собиралась. Все свидания с сайтов знакомств оборачивались провалом, и я все больше думала о том, что поспешила уйти от мужа. Алина страдала, очень хотела к отцу. Я злилась на нее за слезы, на себя за то, что несчастлива в одиночестве, и на Олега, который меня предал. А он так старался меня вернуть. Я сдалась. Алина была счастлива, что мы помирились. Я смотрела на них и умилялась. Но когда я заговорила о втором малыше, он спрашивал: «Зачем?» У нас все хорошо. Алина уже самостоятельная. Мы можем больше времени уделять самим себе. Но самим себе в последнее время для него означало пить пиво с друзьями, ходить на футбол или играть в приставку. Когда он понял, что после той истории я больше не собираюсь уходить, его интерес снова пропал, и я поняла, что все возвращается на круги своя. Я вновь должна бороться за его внимание. Но мне этого не хотелось. Мне хотелось занять чем-то свою жизнь. Алине я была уже не нужна. Я думала, что появится малыш и моя жизнь вновь обретет смысл, а Олег будет так же заботлив, как прежде. Но как же я ошиблась…

Если бы не страх перед тем, что аборт – непрощаемый грех, я бы продолжала носить беременность? Я не могла себе ответить на этот вопрос. С каждым поколением, отходящим от деда-священника, в нашей семье веры становилось все меньше и меньше. Я и сама часто задавала себе вопрос: много ли мне дает исповедь и причастие, или я хожу туда по инерции? Да, с точки зрения религии даже предохраняться – уже плохо, а это делают практически все пары, но аборт… Это была какая-то грань, которую я не могла перейти, несмотря на все доводы рассудка. Мне очень нужно было, чтобы кто-то мог оправдать это решение. Сказать, что это грехом не будет. Или, наоборот, доказать мне, что я должна выпить эту чашу страхов и боли до дна. Именно поэтому я очень ждала встречи с дедушкой.

Гостей на дне рождения было немного. Приехали мои родители, двоюродные брат с сестрой со своими семьями. Дети у них уже были старше моей Алины, но не навестить бабушку они не могли. Муж у тети Проси уже умер, и жила она

вдвоем с отцом – моим дедушкой.

С родителями я не виделась довольно давно. Они жили на другом конце Волжского, и добираться до них было очень долго. Какого-то особого доверия с ними у меня никогда не было. Общение до сих пор было формальным. Отец, вообще, всегда считал, что роль мужчины в семье – зарабатывать, и он с этим вполне прилично справлялся, а роль женщины – встречать его дома с тарелкой борща и не сильно донимать своими проблемами. Может быть, маме это и не очень нравилось, но она когда-то сделала свой выбор и представить себе не могла, что может что-то в своей жизни изменить. Меня как единственную дочку она всегда опекала, заботилась, приучала жить правильно и всячески избегала каких-либо разговоров по душам и о личной жизни. Самостоятельность я почувствовала лишь в институте, но никогда бы не обратилась к ней за советом по какой-то серьезной проблеме. Для нее я всегда была маленькой хорошей девочкой. Даже когда я уходила от Олега после его измены, а мне было уже за тридцать, я обманывала ее и не говорила, что хожу на свидания. Она бы и представить себе не могла, что в моей жизни были другие мужчины помимо мужа.

В тот день я старалась застать деда одного, чтобы спокойно поговорить с ним. Он был уже очень стар, но до сих пор сохранял здравый рассудок. Я с детства любила проводить время у них с бабушкой в пригороде, где в начале девяностых служил дед. Приход там был богатый, с красивой старинной церковью. Дедушка много сил вложил в ее восстановление. В город они перебрались, когда мне было двенадцать. Деду предложили преподавать в Православном Университете. Он согласился и проработал там без малого двадцать лет. Но любимый приход не забывал и по воскресеньям и там вел службы, пока сил хватало. Он был достаточно известным человеком в церковных кругах.

Когда за столом уже ждали чая с десертом, я увидела, что дед ушел к себе в комнату. Он до сих пор выглядел статным мужчиной: годы не пригнули его высокую фигуру к земле. Волосы были седые, а глаза все такие же ярко-голубые. Бороду последние годы он брил. Смеялся, что надоела она ему за годы служений. Выждав пару минут, я тоже вышла из общего зала с большим столом и прошмыгнула к нему. Я постучала:

– Да, да, я тут, – послышалось из-за двери.

– Дедушка, это я, можно к тебе, – сказала я, приоткрыв дверь.

– Конечно, Маш, заходи. Я чуть прилег, но сейчас поднимусь.

– Тебе помочь? – спросила я, увидев, что он пытается присесть, опершись на подушку, на которой только что лежал.

– Да, чуть-чуть, – улыбнулся он своей теплой улыбкой. – Теперь вы мне подушки поправляете, а не я вам. Старость.

– Извини, что не дала тебе отдохнуть, – сказала я, присаживаясь на стул, стоящий возле кровати.

– Да что ты. Мне, наоборот, приятно, что ты заглянула. Значит, еще нужен кому-то.

– Ну уж, не прибедняйся, – улыбнулась я. – Тебе вон на каждый юбилей сколько поздравлений приходит. Со всей страны, да и из-за границы даже.

– Это все тщеславие. Понимаешь, что неважно все это. Подушки мне эти люди не поправят.

Повисла небольшая пауза. Я не могла придумать, с чего начать разговор.

– Ты поговорить о чем-то хотела? – спросил дед.

– Да, – я тихо кивнула.

– Что-то случилось?

– Скорее должно случиться…

Он внимательно посмотрел на меня, и в глазах что-то мелькнуло. Он понял. Он всегда был очень проницательным.

– У тебя ребеночек будет? – спросил дед.

Я кивнула. Слезы подступили к глазам. Я не могла их сдержать.

– Подойди ко мне.

Я встала со стула, на котором сидела, и подошла к его кровати. Голова сама упала на подушку рядом с ним. От него пахло старостью. Но это не было неприятно. Дедушка положил руку мне на голову.

– Благослови меня. Я не знаю, что делать, – тихо попросила я.

Он молчал и просто гладил меня по голове.

– А что ты можешь сделать?

Я еще сильнее заплакала.

– Ты же знаешь, что происходит. Все мне говорят, что нужно делать аборт. А я не хочу этого.

– Если ты не хочешь, то в чем тогда вопрос? – спокойно спросил он.

– Но ведь мне придется хоронить своего ребенка.

– Ты не одна такая. Две тысячи лет назад другая женщина с таким же именем хоронила своего сына. И это было во благо для всего человечества. И Она Его любила. И она любила Бога. И знала, для чего все это нужно. Точнее, знала, что Бог это знает. А Она верила ему.

– Но ведь я обычная женщина.

– И Она тогда была обычной женщиной. Она не знала, что ее ждет. Но Она верила. В тебе нет веры сейчас? – голос деда звучал все увереннее, так же как на проповедях, что он произносил когда-то на службах.

– Не знаю, мне кажется, что у меня ее недостаточно. Как можно сохранить веру, видя то, что происходит вокруг?

– Ты знаешь, что тут было в 43-м? – он наклонился чуть ближе ко мне и как будто немного разволновался. – Я был ребенком тогда. Отец на фронте, моя мать с нами тремя в городе, который был усеян трупами. Никто не верил, что мы выживем. Но она верила. И мы выжили. Все. У тебя есть дочь, семья, ты не одна.

– В том-то и дело, что одна! – я разрыдалась. – Я не чувствую от них поддержки. И Олег, и Алина, они против меня. Они не верят.

– Значит, твоя вера должна быть сильней. Если ты сделаешь то, о чем думаешь, то не сможешь потом спокойно жить.

– Но ведь многие делают?

– Ты не многие, – в голосе появилась твердость, которой сложно было ожидать от восьмидесятилетнего старика. – Ты не сможешь. Ты сама себя разрушишь. А ты нужна и мужу, и дочери. Они навсегда для тебя останутся виновными в том, что ты совершишь этот поступок. Что для тебя самое страшное в беременности?

Я на секунду задумалась, но ответила:

– Рожать, зная, что малыш умрет. Зачем через все это проходить?

– Ты боишься боли?

– Да нет… Я уже рожала. Это все проходит. Я боюсь, что придется хоронить, держать на руках мертвого.

– Думай о том, что, если так случится, значит, твой малыш сразу отправится на небо, не успев вкусить всей земной боли.

– Но он же будет некрещеным?

Дед усмехнулся. Я почувствовала, что сказала какую-то глупость.

– Неужели ты думаешь, что это имеет значение?

– А разве нет? Как там было в «Божественной комедии» у Данте. Первый круг ада для некрещеных младенцев.

– Я и забываю, что ты в институте изучала много литературы, – улыбнулся он уже мягче. – Но в данном случае лучше было бы почаще читать Библию.

– Но разве это противоречит Библии?

– Маша, крещение – это таинство, обряд, но про крещение младенцев в Библии не сказано ничего. Изначально крещение было актом веры и очищения от прежних грехов взрослого человека. Уже позже по аналогии с Ветхозаветным обрезанием как очищением от первородного греха зачатия в Новом Завете таким актом стало крещение.

– Как-то это непривычно от тебя слышать. Это же противоречит православию.

– Нет, совсем нет. В крещении младенцев нет ничего плохого, как это утверждают всякие сектанты, но это и не приводит некрещеных младенцев в ад.

– Я сегодня по радио про это же слушала, пока мы ехали. Ты слышал, наверно, про такого бывшего священника – Николая Коломийцева? Он про это говорил. Что крещение – лишь обряд.

Дедушка рассмеялся.

– Помню, как мы с ним это в институте обсуждали.

– В институте? – удивилась я.

– Конечно, это же мой студент бывший.

– Ничего себе, я и не знала.

– Да, один из тех, кто меня до сих пор с днем рождения поздравляет, письма присылает по электронной почте. Бывает даже иной раз и я ему пишу, когда его спорное выступление услышу. Он отвечает. Не зазнался.

– Но его же раскольником называют?

– Да, называют. И это действительно так. Но ты знаешь, сейчас, когда мне уже столько лет и я столько в жизни видел, я не готов сказать, что он настолько уж неправ. Когда был коммунизм, служение в церкви было подвигом. Туда действительно шли люди, которые хотели нести веру и понимали, что мирских благ они не получат, этот путь не вел к богатству и почестям. Но в 90-е все изменилось. И в церковь стали приходить другие люди, с другими целями. Когда Николай после института уехал в Москву, он хотел многого. Наверно, не стоило ему в священники идти. Уж скорее в политики. Слишком пытливый у него ум. И слишком много амбиций. Это мешает служению. Но я точно помню, что он всегда был тверд в своей вере и хотел пробиться наверх, чтобы больше сделать для церкви и для людей. Изменить ее в лучшую сторону. Но не получилось. Церковь его вытолкнула. Хорошо, что сейчас много возможностей проповедовать и без церковной поддержки. Вон сколько людей его в интернете смотрят.

Я слушала как завороженная. Когда дед замолчал, мне, наконец, удалось произнести:

– Я и забываю иногда, что ты не просто мой дедушка. И что ты столько в жизни повидал.

– У меня была жизнь долгая, но очень непростая. Возможно, и твой малыш будет жить долго и еще дождется своих внуков, – при этих словах дедушки к моим глазам подступили слезы. Он добавил: – А возможно, он проживет короткую счастливую жизнь в твоем животе. Не лишай его хотя бы этого. Он там уже живой. И только Господь знает, сколько ему отмерено. Ты не вправе решать за него.

* * *

Назад в тот день мы ехали молча. Мы ушли раньше всех, сил оставаться среди празднующих родственников не было. С родителями я перекинулась лишь парой слов: «как дела, как Алина, спасибо, все хорошо» и все. Я села за руль, Олег довольно много выпил и задремал в машине. Я вышла от деда в смятении. А чего я хотела? Надеялась, что он оправдает меня и скажет: «Иди, делай аборт, ничего страшного»? Честно, да, именно этого я и хотела. Чтобы кто-то принял решение за меня. И мне не пришлось бы брать на себя ответственность. Я не

хотела чувствовать себя виноватой, ни если бы мой ребенок не выжил, ни если бы я сделала аборт, а после этого нашлось лекарство. Больше всего я боялась сделать что-то неправильно.

Когда я открыла дверь в квартиру, то сразу поняла, что что-то не так. У входа стояли две незнакомые пары обуви. Мужской. Из комнаты доносились музыка и смех. Я даже не успела разуться и с криком «Алина!» бросилась в комнату к дочери. Олег, несмотря на выпитое, тоже сразу понял, что у нас гости, и побежал за мной. Мозг уже нарисовал страшную картину, как мою девочку насилуют два подонка, но все оказалось не так.

Алина сидела на кровати вместе со своей подружкой, с которой они ходили на гимнастику. Кате было тринадцать, и ее фигура уже приобрела вполне девичьи очертания. Алина немного завидовала ей из-за этого. Сейчас моя дочь была в коротеньких шортах и облегающей майке, под которой за счет лифчика с пуш-апом отчетливо выделялась грудь. Она была ярко накрашена. Ее приобнимал какой-то парень лет пятнадцати-шестнадцати, сидевший на корточках возле кровати, другая его рука лежала у нее на голом колене. Второй пацан стоял возле стола и что-то делал за ноутбуком, возможно, переключал музыку.

Когда мы с Олегом зашли, они мгновенно вскочили и началось. Я орала на Алину и, схватив ее за волосы, потащила в ванную умываться. Олег с криками выставил парней за дверь, не дав им обуться и швырнув ботинки им вслед. Катя быстренько убежала, а я крикнула ей вдогонку, что обо всем расскажу ее матери. Алина истерила и брыкалась, но я со всей силой держала ее за голову и водой смывала с нее косметику. Мне безумно хотелось сделать ей больно. Я схватила мочалку и стала тереть ее лицо. Она орала, захлебываясь слезами: «Мама, мне больно, отпусти». А я терла и кричала: «Проститутка!»

Олег подошел к нам.

– Отпусти ее, – сказал он, – ты ей так все лицо поранишь.

– Пусть, – закричала я, – пусть запомнит, чтоб ни один урод на нее не позарился. – Злость разрывала меня. Олег схватил меня за руки, не грубо, но очень настойчиво. Алина вырвалась. Она стояла в дверях и с гневом смотрела на меня.

– Я уйду от вас! – закричала она. – Уйду!

– Да кому ты нужна, – крикнула я в ответ. – Этим переросткам? Им только и нужно, что забраться к тебе под юбку. А ты их домой тащишь, как проститутка!

– Кто это такие? – спокойно спросил Олег, все еще державший меня за руки.

Алина ответила, уже спокойнее.

– Это Тема, парень Кати, и его друг Никита, мы с ним недавно встречаемся.

– А почему они здесь? Если ты с ним недавно встречаешься? Почему я ничего о нем не знаю? – закричала я.

– А ты много мной интересуешься? – злобно ответила Алина. – У тебя сейчас вроде другие заботы.

– Да как ты смеешь? – я вновь бросилась к ней, Олег удержал меня за плечи.

– А что, может, мне тоже забеременеть? – вдруг спросила она. – Месячные у меня уже идут. Будет хоть что-то общее с тобой.

Я рванулась к ней, совершенно себя не контролируя. Алина, увидев, что перегнула палку, бросилась в свою комнату и захлопнула передо мной дверь, подперев ручку стулом. Я осталась стоять в коридоре. Олег подошел ко мне и сказал:

– Успокойся.

– Ты опять ее защищаешь? Даже сейчас?

– У нее сложный период. Но разве у тебя не бывало, что ты звала друзей, когда родителей не было?

– Нет!

– Ах да, забыл. Правильная девочка, – он язвительно улыбнулся.

– Прекрати, – ответила я.

Олег обнял меня и сказал:

– Иди приляг, тебе нужно отдохнуть.

Месяц четвертый. Январь

Вот и наступил Новый год. Встречали мы его у моих родителей, настроения видеться с друзьями не было. За вечерним застольем я рассказала родным про свою беременность. Хотела уже после боя курантов, чтобы не портить всем настроения, но отец начал задавать вопросы, почему я не пью. Я не стала врать.

Мама расплакалась. Да это и неудивительно, учитывая, что рассказывали нам в новостях. За последнюю неделю во всей стране не родилось ни одного здорового малыша. Все так же некоторые дети выживали в родах, но в течение первых суток погибали все. Границы для всех женщин были закрыты, не разрешали не только командировки и отдых, но и поездки к близким, живущим в соседних странах. Предположили, что болезнь как-то поселяется в матке, и даже не у беременных женщин, если они заразятся, не будет и в будущем возможности родить здорового малыша. Всем женщинам настоятельно рекомендовали работать удаленно и не выходить из дома, стараясь сохранить здоровье до того времени, когда будет найдено лекарство.

Новый год прошел в каком-то тоскливом настроении. Алина и Олег смотрели на меня осуждающе, как будто я испортила им праздник. Родители были расстроены. Отец, конечно, не стал вмешиваться и учить меня жизни. Он всегда был достаточно отстранен от нас с мамой. Мать же попыталась поговорить со мной по душам, но так как она опоздала с этим лет на двадцать, то нормального разговора не вышло. Она посочувствовала мне, попросила полагаться на волю Божью и не поддаваться отчаянию. Я покивала головой, и мы переключились на сервировку стола.

Президент перед боем курантов рассказывал, что мы обязательно справимся с этой бедой, лекарство будет найдено, а пока следует больше внимания уделять своим близким и особенно детям, учитывая, какими хрупкими на самом деле оказались наши семьи. Он говорил, что наша страна приняла на себя этот удар и вовремя принятые меры не позволили заразе распространиться за рубеж, предотвратив мировую эпидемию. К тому времени уже поползли слухи, они гуляли по интернету, читались в комментариях к новостям и в группах в соцсетях. Многих смущало, что эпидемия была лишь в нашей стране. Раз за разом мелькало, что это не эпидемия, это какое-то биологическое оружие или специальная отрава, уничтожающая наших будущих детей. Что правительству или иностранным агентам (в зависимости от того, каких взглядов придерживался автор поста) выгодно уничтожение нового поколения. Что, возможно, это мировой заговор, и мы часть эксперимента по уменьшению численности населения планеты. Авторы постов призывали беременных не обращаться в больницы, скрывать свое положение и рожать дома, лишь это, по их мнению, могло спасти будущих малышей.

Тем временем власти все сильнее пытались контролировать беременных. С одной стороны, официально разрешили делать аборт и на более поздних сроках, до двадцати двух недель. То есть все, кто еще надеялся на благополучный исход и не прервал беременность в первом триместре, могли сделать это позднее. С другой же стороны, все беременные должны были находиться дома. На улице появились патрули, которые проверяли женщин с большими животами. С собой нужно было носить справку из женской консультации о том, что ты там состоишь. Если таковой с собой не было и женщина утверждала, что она не беременна, а просто обладает крупной фигурой, ее привозили в ближайшую больницу и заставляли там делать самый простой тест. Если он оказывался положительным, женщину ждал большой штраф и обязательная постановка на учет. Правозащитные организации возмущались, но сила была не на их стороне. Власти утверждали, что должны следить за всеми беременными женщинами, чтобы постараться выявить тех, кто сможет побороть эту страшную болезнь.

Зазвучали и еще одни голоса, и их тоже становилось все больше. Они говорили, что наше поколение проклято Богом. Что грехи родителей ложатся на этих малышей. Что человечество умрет, если не одумается. Что нужно вернуться к церкви и к Богу. Что женщины должны вести праведный образ жизни, а семья должна быть священной. Они предлагали вернуться к домострою и постоянно молиться. Официальная церковь эту идею не поддерживала. Они устраивали молебны и специальные службы, но ничего не помогало. Пока не произошло кое-что еще.

Вечером в сочельник по одному из федеральных каналов в прямом эфире шло очередное ток-шоу, посвященное проблеме детских смертей. Среди приглашенных был и отец Николай Коломийцев. Я видела его выступление уже после, в интернете, когда о нем заговорили все. В тот день он был не в одежде священнослужителя, а в аккуратном черном костюме с серой водолазкой, подчеркивающем его высокую худощавую фигуру. Его темные волосы, чуть не доходящие до плеч, были распущены и обрамляли бледное лицо, казавшееся еще более вытянутым за счет небольшой аккуратной бороды. Если дед говорил, что он был его студентом двадцать лет назад, то сейчас ему должно было быть около сорока. Выглядел он примерно на свой возраст.

В тот вечер он вновь высказался по вопросу детской смертности. Отец Николай говорил, что не разделяет официальной позиции церкви, считающей эпидемию испытанием, посланным нам свыше. Он говорил, что это предвестник перерождения нашей страны и что нам нужно ждать нового явления Спасителя. Ведущий задал ему вопрос, считает ли он, что нас скоро ждет конец света. Отец Николай хотел ответить, но в этот момент с ним что-то произошло. Взгляд его остекленел, а голос изменился, став более высоким и каким-то распевным, похожим на голоса на церковной службе. Отец Николай вдруг забрался на стул. Ведущий пытался ему что-то сказать, но тот слегка оттолкнул его. Голос звучал, и он пробирал до мурашек. Он сказал:

– В день, когда солнце будет править на небе, на земле, пропитанной кровью тьмы великой людской погибели, после жертвы, летящей во искупление грехов прежних, родится в семье, что служила Господу, тот, кто спасет нас кровью своей, и причастие к нему сохранит все несущих бремя. Ждите и молитесь.

Голос замолк, отец Николай упал без сознания вместе со стулом. Все вокруг оцепенели на секунду и бросились к нему. Спустя примерно полминуты он пришел в себя и будто не помнил и не понимал, что с ним произошло. Эфир прекратили. Отец Николай по рассказам очевидцев убежал из студии, ни с кем не попрощавшись. Видео это быстро распространилось по интернету. Большинство посчитало это качественно разыгранным представлением, чтобы прибавить себе популярности, но так думали далеко не все. Ученые теперь обсуждали, что могло скрываться за этими словами. Отец Николай же пропал из вида. Близкие ему люди говорили в интервью, что он осмысливает произошедшее, погрузившись в молитву и в пост, дабы получить ответы на свои вопросы.

Помню, как, увидев новость об этом в интернете, я сразу бросилась смотреть ролик. Его голос звучал во мне. Но мне не было страшно. Я испытала другое чувство – надежду. Мне так хотелось верить, что спасение, про которое говорил отец Николай, наступит, и моему малышу суждено будет появиться на свет. Я позвонила деду. Поздравила его с Рождеством и спросила, слышал ли он о произошедшем. Он сказал, что уже видел в новостях.

– И ты веришь? – с надеждой спросила я.

– Во что? – мне показалось, что дед улыбнулся.

– В то, что это было настоящее видение? Как у библейских пророков?

– Почему нет? – спросил он.

– Но ведь ничего такого не было со времен Библии.

– Но и таких страшных вещей еще не происходило. Пророки всегда появлялись, когда Господу нужно было сказать нам истину, для признания которой нам не хватало веры. Возможно, сейчас его слова окажутся тем, что позволит тысячам беременных не сделать страшного поступка, в чем они укоряли бы себя всю оставшуюся жизнь. И в таком случае совершенно неважно, сам ли он эти слова придумал или его устами вещал Господь.

– Но если он все это разыграл, то это же ложная надежда?

– Но кто ему подсказал бы эту мысль? Если его слова спасут матерей от страшного греха и сохранят жизнь многим малышам, такое ли уж имеет значение, было ли это представлением?

– То есть ты не веришь?

– Почему же, Маш, я не говорил этого. Я многое в жизни повидал. И могу сказать, что не вижу ничего странного в том, что такое пророчество могло прозвучать из его уст. Жизнь все расставит на свои места. Главное – не отчаиваться, а надеяться и верить.

Месяц пятый. Февраль

Уже месяц мы сидели дома вместе с Алиной. После новогодних каникул всех девочек, начиная с пятого класса, то есть потенциально половозрелых, отправили учиться из дома. Было тяжело. Чтобы сократить постоянно возникающее напряжение, я старалась в рабочие часы не выходить из спальни, где организовала себе рабочее место. А вечером я уже садилась и проверяла задания, которые дочери нужно было выполнять по плану. В их школе проводились трансляции уроков через интернет. Было неудобно, но лучше, чем ничего. Алина утром садилась за отцовский ноутбук, подключалась к трансляции и виртуально присутствовала на уроках. В классе также стоял компьютер, на котором учитель должен был видеть сидящих у себя дома перед камерой учениц. Вопросы по пройденному материалу нужно было писать в общий чат. Потом ученицы, как и их одноклассники мужского пола, находящиеся в школе, получали домашнее задание, которое нужно было выполнить, а фото отослать учителю. Здесь и начиналось самое интересное.

Воспринимать уроки в такой форме было очень сложно. Большую часть времени Алина трепалась в телефоне со своими друзьями, лишь делая вид, что она что-то слушает. Когда же нужно было делать домашку, у нее возникала куча вопросов. Алина никогда не была отличницей, но с учебой вполне справлялась, троек в четвертях не было. Но сейчас ее интерес совсем пропал. Она не хотела ничего делать. Я раздражалась. Иногда просто решала задание за нее, а она лишь переписывала. Иногда забивала и я, говоря, что это ее проблемы и я за нее краснеть не собираюсь. Олег возвращался с работы, и она прилипала к отцу, который в итоге помогал ей справиться с очередной задачкой.

От сидения дома и постоянного контакта с телефоном и ноутбуком она стала очень раздражительной. Казалось, что ее ничего не радует. Как-то раз вечером я накричала на нее из-за несделанного задания по английскому языку. Она в ответ начала мне говорить, что не понимает, зачем ей нужен английский, если ей теперь всю жизнь придется сидеть в этой тюрьме. Я вновь начала на нее давить, говоря, что образование необходимо, что она так останется на второй год.

– Да наплевать! – крикнула она и вновь уставилась в свой телефон.

– Нельзя так говорить! Прекрати немедленно и садись за уроки. – Я выхватила у нее телефон, в котором она опять набирала очередное сообщение.

– Отдай! – крикнула она.

– Не отдам! – ответила я. – Садись за уроки!

– Отдай, а не то я выпрыгну из окна. – В долю секунды она забралась на стол и оказалась на подоконнике.

– Прекращай свой концерт! – крикнула я ей.

– Мне нужно ответить! Нужно! – орала она со слезами на глазах.

– Нет, тебе нужно делать уроки!

– Я спрыгну. – Она потянулась к оконной ручке.

В этот момент я подбежала к ней и быстро стащила с окна. Она ударилась о стол и начала плакать. Сначала со злобой, вырываясь от меня, а потом всхлипы стали какими-то детскими. Я уже не держала ее, а обнимала, как в детстве, когда она падала с велосипеда, а я целовала ее больную коленку и говорила, что сейчас все пройдет. Я повторила эти слова:

– Сейчас все пройдет.

– Не пройдет, – всхлипывала она. – Никита со мной не хочет больше встречаться, – вдруг в слезах сказала она. – Не хочет. Я писала ему, а он такой грубый стал. Как будто я ему не нужна больше.

– Так вот ты из-за чего… – улыбнулась я. – Такое бывает. Он мальчик. Переменчивый.

– Это потому что я дома, а он нашел кого-то, кого не заставляют круглыми сутками сидеть в квартире.

– Но ты же знаешь, что выходить нельзя. Оштрафуют.

– Да плевать! Пусть хоть в тюрьму посадят, лишь бы выйти отсюда.

Она разрыдалась. Я прижимала ее к себе, а она плакала. Сначала зло, а потом все тише и спокойнее. В конце концов она прислонила голову к моему плечу и просто обняла меня, как делала когда-то в детстве. Мне безумно хотелось повернуть время вспять: видеть ее маленькой девочкой с двумя хвостиками, бежавшей мне навстречу, когда я забирала ее из детского сада, относить ее на руках в кроватку, когда она от усталости засыпала на диване перед телевизором, заплетать ей волосы в колосок к утреннику. Я погладила ее по голове. Волосы были уже не такими мягкими и тонкими, как когда она была малышкой. На ее каштановых кудряшках было светлое мелирование, краска сделала их более жесткими, но волосы все равно скользили между моими пальцами. Это была моя дочь, моя любимая девочка. И я уже не помнила, когда в последний раз я так обнимала ее. Она подняла голову и взглянула на меня. В глазах стояли слезы. Но ее голос вдруг стал мягким и детским:

– Мама, скажи, что все будет хорошо, что все это скоро закончится. Я не могу так больше, я не хочу так.

– Обязательно будет, солнышко, обязательно.

– Почему нас заставляют все это терпеть? Я хочу быть мальчиком, я хочу гулять, ходить в кино, я хочу просто жить!

Как ей было ответить на этот вопрос? Рассказать вновь про Еву и первородный грех? Нет, она была уже не из того поколения, чтобы воспринимать это за чистую монету. Сказать, что жизнь несправедлива? Что она родилась женщиной и это уже никак не исправить? Я не знала, что ответить, и просто сказала:

– Я тоже очень хочу жить. Жить, как мы жили раньше, проводить время с тобой и с папой. Гулять, отдыхать, ездить в отпуск на море.

Она вновь посмотрела мне в глаза и спросила:

– Почему ты тогда не сделаешь аборт?

Я предполагала, что она вновь вернется к этому вопросу.

– А ты не думала, что я могла сделать аборт двенадцать лет назад и тебя бы не было?

Она отпрянула от меня. На лице отразилось отвращение.

– А ты хотела? – в голосе вновь зазвучала злоба. – Может быть, и надо было, мне не пришлось бы сейчас все это терпеть.

Я поняла, что она неправильно восприняла мои слова.

– Алина, я к тому, что когда-нибудь и твой братик или сестра будет вот так же сидеть рядом. Этот малыш в моем животе уже жив, и я люблю его так же, как и тебя. Когда у тебя будут свои дети, ты это поймешь.

– У меня их не будет. Мы все вымрем, – Алина довольно грубо освободилась из моих объятий и села на кровать. Казалось, ей было стыдно за свою слабость.

– Нет, нет, солнышко, – я подошла к ней и попыталась обнять. Она плечом сбросила мою руку. На глазах вновь заблестели слезы.

– Можно мне побыть одной? – спросила она.

– Да, – я погладила ее по голове и сказала: – все обязательно будет хорошо.

Я подошла к двери, а она крикнула мне:

– А телефон? – На меня снова накатила злость. Алина опять была противным подростком. Но сил спорить с ней у меня больше не было. Я достала телефон из кармана и, бросив его к ней на кровать, вышла из комнаты.

Все вернулось на круги своя. Возможно, это был момент, когда я могла бы что-то изменить. Наладить контакт с дочерью. Но сейчас, вспоминая тот случай, я все еще не знаю, как должна была бы себя повести, чтобы предотвратить то, что произошло потом. Я до сих пор помню то объятие, ее беззащитность, ее любовь ко мне. Почему потом я все продолжала давить на нее? Почему не попыталась

стать ей подругой, в которой она отчаянно нуждалась? Я говорю себе, что у меня не было на это сил. Хотя сейчас понимаю, что тратить всю энергию нужно было именно на Алину.

Месяц шестой. Март

Впервые за долгое время я ехала на работу. Не хватало подписи на каких-то документах для оформления больничного по беременности. Город казался вымершим. Я села в трамвай в маске и в перчатках, полностью закутанная в одежду. Кондуктор-мужчина с удивлением посмотрел на меня. Женщины больше не работали в общественных местах и транспорте. В магазинах на кассах и в наушниках в колл-центрах сидели мужчины. Тем, кто не мог, как я, работать удаленно, обязали выплачивать пособия. Но платили их далеко не все. В большинстве своем женщины, работавшие не в крупных белых компаниях и не в бюджетных организациях, оказались в безоплатных отпусках и фактически без средств к существованию. Матери-одиночки и просто незамужние пытались устраивать митинги, но вместо этого попадали в полицию. Передвигаться по городу за пределами пары кварталов и ближайшего магазина можно было, лишь оформив пропуск с указанием причины выхода из дома, что я и сделала.

Когда я зашла в офисное здание, где располагалась редакция, избежать косых взглядов не удалось. Даже под свободной осенней курткой мой живот был вполне заметен. Знакомые здоровались со мной и глядели на меня с какой-то смесью жалости и отвращения. Казалось, я пройду сейчас мимо них, а они за спиной будут крутить пальцем у виска, считая меня сумасшедшей. Наверно, такой я и была. Шла двадцать вторая неделя. И муж, и мой начальник, видимо, до последнего надеялись, что я сделаю аборт. Но я сказала: «нет».

Путь в кабинет главного редактора проходил через опен-спейс. Когда я зашла туда, примерно три четверти рабочих столов были пусты. Это неудивительно: у нас работали в основном женщины. Сейчас они сидели за своими компьютерами дома. Коллеги мужского пола поприветствовали меня. Те, с кем я общалась больше, начали расспрашивать, как я, как справляюсь дома, как муж и дочка. Не спрашивали только о моем животе. Хотели, но молчали. Или не хотели. Я вежливо отвечала дежурными фразами.

– Вы беременны? – вдруг раздался голос за спиной, когда я уже собиралась зайти в кабинет к главному редактору. Я обернулась. В паре метров от меня стоял тот самый программист, жена которого была беременна, когда началась эпидемия. Он всегда был неразговорчивым парнем, и поэтому сейчас все сидевшие в комнате буквально уставились на него. Я до сих пор помню этот взгляд. Сколько же боли было в нем. В руке он крепко сжимал одноразовый стаканчик с водой. Он буквально ломал его своими пальцами. Вода уже капала на пол.

– Да, – коротко сказала я и хотела снова повернуться к двери.

– Зачем? – вдруг закричал он. Стакан упал, вода растеклась по его ботинкам и по полу, но он не обратил на это внимания, смотря лишь на меня. – Зачем вы это делаете? Вы понимаете, что будет?

– Понимаю. Но обсуждать это не хочу.

– Нет, не понимаете! Не понимаете! – он подбежал ко мне и схватил меня за рукав. – Она тоже не понимала! Мы так хотели этого малыша, – он почти плакал. – Она до последнего верила, до последнего.

– Я понимаю вас. Но не хочу про это говорить, – уже громче сказала я. Все коллеги молча продолжали наблюдать за нами.

– Ваня, отойди от нее, пожалуйста. – Дверь за моей спиной открылась. Там стоял наш главред Сергей Николаевич.

Иван, так звали программиста, взглянул на него и, будто опомнившись, отошел от меня.

– Извините, – тихо сказал он и вышел в коридор. Стаканчик так и остался лежать в луже. Главред заметил мой взгляд и сказал, глядя поверх меня (он был уже немолодым мужчиной высокого роста):

– Вытрите кто-нибудь, не нужно грязь разносить. Пойдем, – сказал он, уже обращаясь ко мне.

Мы вместе зашли в кабинет. Эта небольшая комнатушка, отделенная тонкими перегородками от основного опен-спейса, была мне хорошо знакома. Сколько раз я получала здесь задания, а также изредка нагоняи. На похвалу наш главред был весьма скуп.

– Присаживайся, – сказал он и протянул мне бумаги.

Я воспользовалась его приглашением и села на свободный стул, стоящий возле рабочего стола.

– Катя, – так звали нашу кадровичку, – прислала бумаги, которые тебе надо подписать.

Я взяла ручку и стала их быстро просматривать. Это был какой-то новый пакет документов, который обязаны были подписывать беременные. Катя заранее предупредила меня про него. По сути, я подтверждала свое намерение уйти в отпуск по беременности, и работодатель снимал с себя всю ответственность за мою дальнейшую судьбу. Отпуск теперь начинался раньше – уже в двадцать две недели, то есть со следующего понедельника. Я расписалась везде, где было нужно. И подняла взгляд на главреда. Он внимательно смотрел на меня, будто пытаясь что-то понять для себя.

– Ты знаешь, что случилось с женой Вани? – вдруг спросил он.

– Догадываюсь, – тихо ответила я. – Они потеряли малыша?

– Нет, не только. Он потерял и жену, и ребенка.

– Как? – внутри что-то больно резануло. – При родах?

Главред покачал головой.

– Нет, после. Малыш у нее родился живым. Его сразу же забрали на обследование. Сделали укол сурфактанта. Ты знаешь, они таким образом пытаются спасти тех, кто родился живым, у кого есть шанс. Она не хотела его отдавать. Как только пришла в себя после родов, его жена пробралась в детское отделение и взяла ребенка. Ее пытались утихомирить, но она не отдавала

малыша. Он умер у нее на руках. А после этого…

– Что после этого?

– Когда она поняла, что малыш умер, она вместе с ним подбежала к окну и выпрыгнула. Благо четвертый этаж. Она выжила, но с серьезными травмами, в том числе черепно-мозговыми. Сейчас лежит в больнице, это было две недели назад. Она как овощ, ни одной человеческой реакции. Даже не могут понять: это повреждение в мозге или психиатрия. Ей всего двадцать пять лет.

Мне было страшно от его слов. Я еле сдерживала слезы. Будто своими глазами я видела всю эту картину. И видела лицо Ивана, смотрящего на меня. «Я выдержу, Господи, я выдержу», – произнесла я про себя. А вслух сказала:

– Мне очень жаль, что так произошло.

– Это не единственный случай в городе. А уж по стране и подавно. Многие надеются на чудо, а в итоге мужья остаются без жен, старшие дети без матерей.

– Я не хочу про это говорить, пожалуйста, – тихо сказала я, понимая, к чему он клонит. Голова кружилась.

– Да, конечно, – сказал главред. – Моей дочери двадцать шесть, – вдруг добавил он. – Я рад, что она не успела забеременеть, как хотела. Я очень этому рад.

– Возможно, для нее это было правильно. Но не для меня, – слезы подступили к глазам. Я отвела взгляд. И лишь через несколько секунд тишины, справившись с эмоциями, вновь посмотрела на него. В его глазах тоже блестели слезы.

– Кто там хоть у тебя? – с подобием улыбки спросил он.

Я ответила:

– Мальчик.

Месяц седьмой. Апрель

В этом году весна пришла очень рано. Уже в начале апреля днем температура поднималась до двадцати градусов. Солнце так и манило выйти на улицу и прогуляться вдоль Волги, беззаботно поедая мороженое. Но вместо этого мы сидели дома. И я, и Алина. Ей было очень тяжело. Истерики происходили регулярно, раз в пару недель. С хлопаньем дверьми, разрыванием тетрадок и киданием предметов (чаще всего тапочек) в стену. Когда заканчивались уроки, она просто запиралась в комнате. Я слышала иногда, что она болтает с подружкой, жалуясь на жизнь. Про свои отношения с Никитой Алина больше не заговаривала. Я пыталась ее расспросить, но она говорила, что это меня не касается. Иногда дочь просто сидела на лоджии с открытым окном и смотрела вниз с четырнадцатого этажа. Я даже боялась к ней подойти. Ей слишком рано пришлось повзрослеть.

Иногда были хорошие дни. Я немного помогала ей с уроками, а потом мы вместе смотрели кино или играли в настольные игры. Обычно такие дни случались после ее истерик. Видимо, гнев выходил, и Алина, выплеснув злость, вновь становилась ребенком, которому из-за болезни приходится торчать дома в хорошую погоду. Главная обида, звучавшая в ее словах, заключалась в том, что она не понимает, в чем виновата. Почему она должна сидеть дома и страдать? И чаще всего ее злоба выливалась в сторону меня и малыша.

В такой же безрадостной обстановке прошел и ее день рождения. Алине исполнилось двенадцать. Мы заказали большой торт, чтобы хоть немного ее порадовать. Но все было бесполезно. Вместо этого она проплакала весь вечер, а сладкое есть отказалась. Олег пытался ее успокоить, но у него ничего не вышло. В последнее время и сам он смягчился. Он перестал игнорировать мое состояние и, как в первую беременность, клал руку мне на живот, когда мы ложились спать, пытаясь уловить шевеления. Олег как будто бы смирился. Единственное, что меня напрягало, так это его увлечение алкоголем. Он всегда был душой компании, который никогда не полезет за словом в карман. И выпить в кругу друзей или коллег мой муж очень любил. Но сейчас я нередко вечером, уйдя спать пораньше, а потом не сумев заснуть, возвращалась на кухню и видела его, сидящего в одиночестве с бутылкой виски или коньяка. Он не напивался до беспамятства. Просто говорил, что не может без этого уснуть. Я старалась не скандалить. Он вел себя спокойно и ничего похожего на запои у него не наблюдалось. Я решила, пока это никому не мешает, не давить на него. Ему было очень тяжело. А поговорить, я была уверена в этом, было не с кем. Его

друзья даже не знали о моей беременности. Он никому не говорил. Они считали, что я сижу дома, как все обычные женщины.

В стране тем временем ничего не менялось. Живые дети больше не рождались. Лекарства найдено не было. В интернете все активнее расцветали теории заговора и призывы религиозных фанатиков. Государство старалось сдерживать недовольство за счет различных пособий женщинам и за счет серьезных наказаний для протестующих. Я старалась не смотреть телевизор, предпочитая проводить время за рисованием и чтением книг. Беременность протекала на удивление легко. Каждый раз, приходя в женскую консультацию, я слышала, что все в норме, что ребенок развивается без отклонений. В больнице приходилось бывать часто. Я постоянно сдавала какие-то анализы, делала узи и просто проходила осмотр.

В начале апреля я вновь пришла в консультацию. С утра нужно было делать глюкозо-толерантный тест, чтобы провериться на скрытый сахарный диабет. Анализ был жутко противный, так как тебе нужно было провести в больнице несколько часов, трижды сдавая при этом кровь. В первый раз натощак. Если сахар был в норме, то потом выпить глюкозу и с перерывом в час сдать еще две пробы. В то утро в начале апреля, на этот тест нас пришло двое. Кроме меня перед кабинетом сидела женщина лет тридцати пяти – сорока. Мы сдали первую пробу и ждали результатов. Я достала электронную книжку и хотела начать читать. Но женщине, видимо, нечем было себя занять, и она решила завести разговор.

– У вас тоже первый? – спросила она, глядя на мой живот.

– Нет, второй, – ответила я, откладывая книжку.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Извините, я подумала, что раз вы решили оставить ребенка, у вас еще нет детей.

– А какое это имеет значение? – спросила я.

Она немного смутилась. Видимо, мой ответ показался ей грубым.

– Вы извините, – добавила я, увидев ее реакцию. – Просто меня часто об этом спрашивают. Надоело, если честно. Это мой второй ребенок, и он мне дорог не меньше первого. Поэтому я не стала делать аборт, если вы про это хотели спросить.

– Я не хотела вас обидеть. Просто смотрю, что мы с вами примерно одного возраста. Думала, что вы тоже долго ждали малыша, поэтому не смогли так с ним поступить.

– Я действительно долго его ждала. Давно уже хотела второго, – ответила я. – Но дело не в этом. Просто не могла бы сделать аборт. А у вас это первая беременность?

– Да, долгожданная. После второго ЭКО. Мы с мужем много лет сами пытались. Не получилось. И после первого ЭКО эмбрион не прижился. Зато теперь близнецы. Две девочки. Мы так были счастливы, когда узнали. Это было прямо перед началом эпидемии. Я не смогла от них отказаться. Так хотелось стать матерью.

– Вы уже мать, – сказала я. – Вы ею стали, когда малыши оказались у вас в животе. И этого никому не отнять.

– Но вы же понимаете, что мечтали мы о другом. Никто не мог тогда предположить, что будет эта эпидемия. Как же сложно об этом говорить, – вздохнула она. – Вот вы мать. Сколько вашему старшему?

– Двенадцать, у меня девочка.

– Это так здорово, – женщина протянула руку ко мне и дотронулась до моих пальцев. Ее ладонь была теплой, а прикосновение ободряющим. – Мне так хотелось бы быть такой же, как вы. Как многие другие матери, которых дома ждут дочери или сыновья. Но меня никто не ждет.

– А как же ваш муж? – спросила я.

– Он ушел, – ответила она, убрав руку и откинувшись на спинку стула. – Не выдержал всего этого.

– Мне очень жаль, – я вдруг представила себя на месте этой женщины. Меня дома ждали Олег и Алина, несмотря на все проблемы. А ведь могло быть и так. Намного хуже, чем мне. – Как он мог оставить вас в таком положении?

– Нет, не думайте, он помогает мне. И деньгами, и, если что-то нужно по дому, он приезжает. Но семьей мы перестали быть. Муж хотел, чтобы я сделала аборт. Говорил, что мы попробуем сделать ЭКО снова, когда весь этот кошмар закончится. Но я не согласилась. Я не смогла. Я безумно хотела знать, как это. Быть беременной, чувствовать движения малышей в моем животе. Это же целых две жизни. Он говорил, что не может видеть этой обреченности. А я отвечала, что верю, что лекарство найдут и наши малышки выживут. Мы стали очень часто ругаться. И он ушел. Сказал, что поживет пока со своей матерью. Ей тоже сейчас нужна помощь. Эти законы ни пожилых, ни детей не пощадили. Хотя о какой инфекции в матке может быть речь почти в семьдесят? Так я и живу. Целыми днями одна в квартире. Лишь в магазин за едой, да в больницу. Извините, я, наверно, наскучила вам своим рассказом? Просто редко с кем удается поговорить вживую. Так, разве что с подругой по телефону.

– Ну что вы, конечно. Я вас понимаю. Это очень сложно. Я не знаю, как бы выдержала без мужа. Хотя и с дочерью тяжело. Она же тоже в их понимании «женщина». Сидит дома, очень злится на всех. Но я верю, что все наладится.

– Вы верите? Что лекарство сделают? – с надеждой посмотрела она.

– Я верю, что все будет так, как тому суждено быть. И что там на небесах знают, сколько мы можем выдержать, и больше нам не дадут.

– Но вы не верите… – женщина понизила голос, – что это все специально. Что нас и наших детей травят чем-то, чтобы сократить численность. Ведь в других странах такого нет.

– Говорят, что есть. Просто меньше, и они это тщательнее скрывают. Нет, я не верю, – добавила я. – Я просто не могу поверить, что человек, живущий на этой земле, мог бы придумать такую страшную вещь. Просто не допускаю такой мысли. Да и зачем бы? Это же очень глупо. Государству нужны будущие работники.

– Вот поэтому. Чтобы потом, когда мы будем доведены окончательно, под видом лекарства дать нам, беременным или нашим новорожденным детям, что-то, что убьет в них личности и превратит в тупых животных, способных лишь безропотно работать на государство, а не мыслить критически.

– Нет, нет, я не верю, – мне хотелось закончить разговор. Я не верила во все эти теории заговоров, про которые слышала и от своих знакомых, и от отца. Мать и родственники хотя бы все воспринимали с религиозной точки зрения как испытание и наказание. Это мне было ближе и понятнее. Копаться и рассуждать о политических дрязгах мне точно не хотелось. Я была очень далека от этого.

Дверь лаборатории вдруг открылась. В коридор вышла девушка, которая брала у меня кровь.

– Королькова Мария? Кто? – спросила она.

– Это я, – сказала я в ответ.

– Вам нужно будет через пару дней пересдать анализ. Только ничего не ешьте хотя бы часов за двенадцать и сладкого за сутки избегайте. У вас натощак уже высокий уровень глюкозы.

– А что это значит? Я вроде бы вчера старалась сладкого не есть.

– Возможно, гестационный диабет. Бывает у беременных. Вы пересдайте кровь в конце недели. Запишитесь в регистратуре. Если будет то же самое, то надо проконсультироваться у эндокринолога. А сейчас можете идти.

Я взяла из ее рук результаты анализа, сказала «спасибо» и направилась к лестнице. На секунду я обернулась и увидела, что женщина, с которой я разговаривала, берет у медсестры бутылочку с глюкозой, которую мне выпить не пришлось.

Через три дня после сидения на диете анализ показал то же самое. Мне пришлось идти к эндокринологу. Тот назначил мне диету, исключающую сладкое, мучное, все соки и даже фрукты, кроме зеленых яблок. Хорошо хоть инсулин не пришлось колоть. Врач сказала, что до конца беременности придется

быть на диете. Потом, она надеялась, что все пройдет. Как она сказала, такое бывает примерно у каждой десятой беременной. «Главное, не навредить малышу», – добавила она, видимо, по привычке, но потом смутилась, поняв, как это звучит в нынешней ситуации. Я поблагодарила ее и ушла.

Без сладкого было тяжело. Я всегда относилась к категории людей, привыкших заедать стресс. Но привычка на то и привычка. Через две недели я уже адаптировалась к своему рациону. В общем-то, это было не так уж и плохо. Вместо снежка с булочкой я теперь на ночь пила пустой кефир, а конфеты к чаю были заменены простыми сушками. Олег с Алиной старались не есть сладкого при мне, но я видела в мусорном ведре упаковки от мороженого и фантики от шоколадных батончиков. «Зачем все это? Зачем эти жертвы?» – иногда в отчаянии думала я. Но сама же себе отвечала: «Я дойду этот путь до конца. Пока мой ребенок жив, надежда есть».

Месяц восьмой. Май

Моему малышу уже семь месяцев. Если бы он сейчас появился на свет, беременность не считалась бы недоношенной. У него все сформировано. Дальше он будет лишь набирать вес и рост, чтобы родиться более сильным. Если он родится. В нашей стране за последние три месяца в роддомах не выжил ни один. Жесткие меры ничего уже не давали. За окном было тепло. Женщинам дали послабления, разрешив выходить на улицу в перчатках и в масках. Но на самом деле их мало кто надевал. Видимо, стало понятно, что эти меры ничем не помогли, а недовольство росло. Не разрешали выходить лишь беременным и тем, кто с ними проживает. Алина…

Она была в бешенстве, когда узнала, что ей придется все еще сидеть дома, в то время как ее подруги уже вышли из заточения. Все члены семьи, где были беременные женщины, были занесены в базу данных. По улицам ходили полицейские и проверяли документы. Если попасться им на глаза, будучи занесенной в базу, то можно было нарваться на огромный штраф. Мы не выпускали Алину из дома, но пару раз она все равно сбегала. Естественно, ей за это влетало. В порыве одной из таких ссор она сказала мне: «Да когда он, наконец, умрет». Я не выдержала и ударила ее за это. В истерике она убежала в свою комнату. А я потом сидела и корила себя, пытаясь понять, что сделала не

так. Почему моя дочь выросла такой эгоистичной и жестокой. Попытки говорить об этом с Олегом были бесплодны. Даже формально говоря ей, что так себя вести нельзя, он оставался на стороне дочери. Алина чувствовала отцовскую поддержку и вела себя еще наглее.

Олег все больше пил. Уже не только по выходным. Частенько и в будние дни я заставала его с бутылкой виски, а на работу он шел с запахом перегара. Я ничего не могла с этим поделать. И временами я и сама уже хотела, чтобы все закончилось. Ходить было тяжело. Отекали ноги, болела спина. Кондиционера в квартире не было. И было безумно жарко. На майские праздники термометр уже показывал двадцать семь градусов. Малыш часто вертелся, особенно ночью, не давая мне спать. Движения эти были уже не радостными поглаживаниями из второго триместра. Это были полноценные удары, от которых становилось больно. Дата родов была все ближе, а надежды становилось все меньше.

Однажды, ближе к середине мая, на моем телефоне раздался звонок. На экране высветилось: «Дедушка».

– Привет! – радостно ответила я. Дед звонил нечасто, но, когда это происходило, мы очень долго и спокойно разговаривали, отчего мне всегда становилось легче.

– Как ты там? – спросил он поздоровавшись. Голос у него был необычный, как будто взволнованный.

– Ты же знаешь как, все по-прежнему, жду, – тихо ответила я. Мне не хотелось сразу вываливать на него свои проблемы. Я надеялась, что он заговорит о них сам, но дед не стал расспрашивать дальше.

– Слушай, я сразу скажу, – он перевел тему, – у меня тут необычный гость. Мы с ним разговаривали, и он захотел с тобой познакомиться.

– Гость? – удивилась я.

– Да, Николай Коломийцев.

– Кто? – я вправду сразу не поняла, только потом дошло. Дед же говорил, что это его бывший студент. Отец Николай, как до сих пор называли его, хотя он и был

лишен официального сана.

– Николай Коломийцев, – повторил дед.

– Я поняла, – только и смогла произнести я. – Но как? Откуда?

– Он путешествует по стране после той истории. Того видения. Инкогнито. Общается со старыми знакомыми. Вот и сюда решил заехать. Позвонил мне. И сейчас у нас дома. Я когда-то говорил уже ему о тебе. И он знает о твоей беременности и о твоих страхах. Он хочет познакомиться с тобой. Ты не против?

– Нет, конечно. Но как мне к вам приехать? Мне же нельзя сейчас так далеко отходить от дома. Олег на работе, машина у него. А на такси меня могут оштрафовать.

– Не волнуйся, – ответил дед. – Николай на машине. Он довезет меня. Часа через полтора будем у тебя, если не возражаешь.

В голове закрутились мысли. «Чем накормить, надо прибраться, Алина, как она отреагирует». Так хотелось отказаться, было бы намного проще. Но, с другой стороны, познакомиться с человеком, которого раньше видела только по телевизору. И который сам хочет со мной познакомиться. Это было так интересно, так непривычно для моей жизни, протекавшей в четырех стенах квартиры. Я ответила: «Да, приезжайте».

Закончив разговаривать, я зашла к Алине. Она смотрела урок через интернет. Я объяснила ей, что скоро приедет дедушка. Дочь обрадовалась, но очень удивилась, когда я добавила, что он будет не один.

– С кем? – переспросила она. – С тем чокнутым дядькой, у которого в голове голоса? Ну что ж, посмотрим на него, – добавила она с типичной для подростка язвительностью.

– Только веди себя прилично, – я вновь начинала на нее злиться. – А лучше слушай свои уроки. Поздороваешься и возвращайся к себе в комнату.

– Стыдишься меня, что ли? – злобно ответила Алина.

– Нет конечно, – я подавила желание снова поругаться с ней. – Я просто хочу, чтобы о тебе создалось правильное впечатление. Ты замечательная девочка, и хочется, чтобы он это увидел.

– Да какое мне дело до мнения этого попа?

– Не говори так.

Алина посмотрела на меня и глубоко вздохнула.

– Не волнуйся. Буду вести себя хорошо. Не хочу расстраивать дедушку.

Дед и отец Николай приехали ровно через полтора часа, как и обещали. Прозвонил домофон, я нажала на кнопку, чтобы открыть замок, и с нетерпением замерла. Я услышала шум поднимающегося лифта, и через пару секунд дверь приоткрылась. Впереди стоял дедушка. Он был в белой рубашке и льняных брюках, рукой опирался на лакированную деревянную трость, которую ему подарили еще в университете. Вид у него был очень радостный, как у ребенка, который хвастается подарком, сделанным ему родителями.

– Привет, – сказала я, – проходи.

– Привет, привет, Машенька, – ответил он с улыбкой и обнял меня, едва зайдя в квартиру. Я тоже его обняла, но взглядом поневоле остановилась на человеке, стоящем за ним.

– Здравствуйте, – сказала я, когда отец Николай переступил через порог, и смущенно добавила: – Очень неожиданно.

– Здравствуйте, Мария, – сказал он, протягивая мне ладонь. На долю секунды я замерла, не зная, нужно ли мне поцеловать его руку, как это принято у священнослужителей или просто пожать ее. Я остановилась на втором варианте. Рука его была теплой и сильной. Я посмотрела на него. Узнать и вправду было сложно. Он был одет в простую черную футболку и джинсы, лицо гладко выбрито (на телевидении до своего исчезновения он обычно появлялся с аккуратной бородой), темные очки были приподняты на лоб, видимо, на улице он носил их постоянно для маскировки. На меня смотрел обычный мужчина лет

сорока, то есть чуть старше моего мужа. Выглядел он очень хорошо. Я бы даже сказала, красиво. Высокий, темноволосый, стройный. Футболка, хоть и была довольно свободной, все равно подчеркивала его широкие плечи и отсутствие привычного для мужчин его возраста живота.

– Ой, можете не разуваться, – добавила я, увидев, что он снимает кроссовки.

– Ну что вы, зачем вам лишняя грязь в доме, – с теплом в голосе и легкой улыбкой произнес он. В его карие глаза можно было бы смотреть бесконечно. Как и слушать его голос. Он буквально обволакивал. В нем было что-то притягательное. И недоступное одновременно. Мы так смотрим на картину или статую в музее, восхищаясь ее красотой, но понимая, что дотрагиваться до нее нельзя.

Я пригласила их с дедом пройти на кухню. У меня уже заваривался чай. В вазу я положила фрукты, а в конфетнице лежали печенья. Я постаралась по максимуму убраться до их прихода. Насколько хватило сил.

– Ты с Алиной? – спросил дедушка.

– Да, у нее еще уроки идут. Сейчас ее позову.

– Да не нужно, не отвлекайте ребенка, – вновь улыбнулся мне отец Николай.

– А я уже не ребенок, – вдруг раздалось у меня за спиной. Сзади подошла Алина. Я заметила, что она успела переодеться из домашней футболки и коротеньких шорт в летние бриджи и красивый топ, который она обычно надевала на прогулки с подругами. – Выходить мне не разрешают, как взрослой.

– Алина, как же ты подросла, я давно тебя не видел, – сказал дедушка, внимательно посмотрев на нее. – И вправду совсем уже взрослой девушкой становишься.

Алина подошла к нему и обняла.

– Я так рада, что вы приехали. Хоть кто-то нас навещает, – сказала она жалобным голосом.

Дед внимательно смотрел на нее. Его взгляд был немного странным, не знаю даже, как объяснить. В нем было что-то болезненное и пугающее одновременно. Будто в этот момент он видел то, что дальше будет с его внучкой. Возможно, мне сейчас это кажется и на самом деле ничего такого не было, но все равно в тот момент внутри меня похолодело. Отец Николай заметил возникшее напряжение и сказал мне:

– Какая замечательная у вас дочь.

Алина услышала его слова и смущенно улыбнулась. Видно, ей тоже льстило внимание известного человека.

– Я надеюсь, ты никому не скажешь, что мы приходили к вам в гости? – спросил дедушка. – Мама предупредила тебя, что отец Николай здесь инкогнито?

– Да, она уже сказала, буду держать рот на замке, – Алина приложила палец к губам.

– У тебя уроки уже закончились? – спросила я.

– Нет, – недовольно поморщилась она. – Неужели ты прогонишь меня на учебу?

– Алина, через сколько у тебя перерыв? – спросила дедушка.

– Через десять минут, – сказала дочь.

– Через десять минут я к тебе зайду, – ответил он. – А сейчас беги учиться. Это очень важно.

Алина вздохнула и со словами: «Печенье хоть к чаю оставьте», вышла из комнаты. Я почувствовала какую-то неловкость и сказала:

– Тяжело ей сейчас. Очень страдает, что приходится сидеть дома.

– Конечно, для нее это серьезное испытание, – сказал отец Николай. – Как и для вас.

Мне вдруг захотелось высказаться.

– Я очень ее люблю, но меня пугает, как она реагирует. И злится сильно, и плачет. Как-то раз во время ссоры забралась на окно и угрожала, что бросится вниз. И самое страшное, что я не знаю, как ей помочь.

– Бросится в окно? Это очень страшно, – сказал дед. Его взгляд был направлен куда-то мимо нас, как будто он представил себе эту картину. – Любовь и забота, вот что ей нужно, как и тебе самой.

К моим глазам опять подступили слезы.

– Извините, – сказала я и потянулась за носовым платком. – Нам всем сейчас очень тяжело.

– Ваш муж, как он отнесся ко всему этому? – спросил отец Николай, глядя на меня.

– Олег советовал мне сделать аборт. Не хотел видеть, как я мучаюсь, и не хотел расстраивать Алину. Он очень ее любит. Я больше хотела второго ребенка, чем он. Ему хотелось просто спокойно жить, как и прежде.

– Не судите его, ваш муж – обычный человек и хочет счастья. Но в его понимании счастье – это отсутствие страданий, покой, простые удовольствия. Он не видит другого, того, что доступно вам. И не вина слепого в том, что он слеп.

– Вы очень хорошо говорите, – сказала я. – Но жить в этом каждый день. Понимая, что моему малышу не выжить…

– Маша, он уже живой. – Дедушка потянулся ко мне и взял меня за руку. – Я говорил тебе об этом. И не тебе решать, сколько ему прожить на этой земле. В твоем ли животе, или же несколько часов в больнице, или долгую жизнь на этой земле.

– Чай будете? – спросила я, пытаясь уйти от тяжелого разговора.

– Да, спасибо, – ответил отец Николай.

Я взяла заварочный чайник и три чашки. По кухне разлился приятный аромат. Олег у нас был ценителем и всегда покупал дорогой чай.

– Сахар? – сказала я, ставя чашки на стол. – Есть печенье, угощайтесь, – указала я на конфетницу.

– Нет, спасибо, я как-то сладкое не люблю, – произнес Николай, беря чашку двумя руками и будто пытаясь об нее согреться, хотя на кухне и так было жарко.

– Есть простые сушки. Хотите? Мне сладкое нельзя, приходится сушками спасаться.

– Почему нельзя? – спросил дедушка. – Сидишь на диете?

– Нет, обнаружился диабет беременных, такое бывает. Приходится отказываться от сахара и еще много от чего, чтобы не навредить ни себе, ни ребенку.

Дед как будто побледнел от моих слов.

– Да? А как ты об этом узнала? – спросил он.

– Когда сдавала анализ на толерантность к глюкозе. Уже первый тест повышенный сахар показал. Даже не пришлось глюкозу пить. Теперь вот мучаюсь, – чуть смущенно улыбнулась я. – Дедушка, не переживай, это не страшно.

Мне показалось, что он разволновался из-за моих слов.

– Ладно, десять минут прошло, – вдруг сказал дед, поглядев на часы. – Я оставлю вас ненадолго, поговорю с Алиной. В ее возрасте все проблемы кажутся концом света. Она и не знает, что такое страдать по-настоящему.

– А как же чай?

– Спасибо, Маш. Я не хочу.

Взяв трость, дедушка поднялся и вышел из кухни. Мы остались вдвоем с отцом Николаем. В комнате повисло неловкое молчание. Отец Николай медленно сделал глоток и очень внимательно посмотрел мне в глаза. Как будто пытался найти ответы на какие-то только ему известные вопросы. Мне стало немного не по себе. И я отвела взгляд.

– Вам кажется странным, что я сижу у вас на кухне и смотрю вам в глаза? – вдруг спросил он.

– Да, немного, – я смутилась от такой прямоты.

– Не смущайтесь. Мне нужно было это, наверно. Вы не первая женщина в такой ситуации, с которой я общаюсь. И все разные. Разные семьи, разные истории. Но вы первая, кто отказался от аборта, уже имея ребенка, мужа и обычную полноценную семью. Это меня очень и удивило.

– Да, это многих удивляет. Как будто решиться оставить ребенка можно только от безысходности.

– Или из-за вопросов веры и страха. Я и с многодетной мамой в такой же ситуации общался, матушкой в приходе. Но вы другая. Вы приняли решение и идете к нему. Так говорил ваш дедушка.

– Будьте откровенны и вы. Зачем же вы общаетесь с такими женщинами?

Он покачал головой.

– Мне кажется, я хочу первым узнать ее.

– Кого ее?

– Ту, что принесет нашей стране спасение. Ту, что родит здорового малыша.

Я поразилась этой его мысли.

– Вы о том своем видении?

– Да, о нем.

Я хотела задать вопрос, но подавила порыв.

– Хотите спросить, было ли оно на самом деле? – догадался отец Николай.

– Нет, ну что вы, – смутилась я. – Конечно, я верю, что оно было.

– Обманываете. Не нужно, это грех. Да, видение было. И да, я уже несколько месяцев езжу по стране, пытаясь первым увидеть ту, кто это видение воплотит. Я надеюсь, что будет какой-то знак. Но пока его не было. Или я не заметил.

– Но беременных женщин очень много?

– Да, но в видении были конкретные указания. И я стараюсь им следовать так, как я их понял.

– Не думаете же вы, что этой женщиной могу быть я?

– Любая женщина может. Почему не вы? Ваша семья служила Богу многие годы, и вы живете в месте, где много было пролито крови. Тьма великая погибших – миллионы по-современному. Я не все понимаю из предсказания, но, по крайней мере, по этим словам вы подходите. Правда, как и многие другие. Вы не хотели бы этого?

– Хотела бы я, чтобы мой ребенок выжил? Конечно. Но хотела бы я быть матерью ребенка, который исцелит других? Нет. Мне не нужна слава. Я просто хочу мирно и спокойно жить.

* * *

Когда они уехали, я еще долго сидела одна на кухне и размышляла. Он вселил в меня надежду. Надежду, что все это правда. Что появится младенец, который спасет всех нас. И что это произойдет до моих родов. Только бы произошло… Да, не спорю, после его слов у меня мелькнула гордая мечта, что я сама могла бы стать этой женщиной. Но после секундного наслаждения славой пришло

понимание, что я этого не хочу. Не хочу такой ответственности. Не хочу внимания к своему малышу. И как бы на это отреагировали Олег и Алина? Мне тысячу раз не нужны были бы все эти вспышки фотокамер и журналисты с микрофонами, встречающие нас у роддома. Я просто хотела спокойно жить, с мужем и моими детьми. Двумя детьми.

Месяц девятый. Июнь

Анна, вот мы и дошли до этой точки. Последний месяц. Последняя глава моего дневника. Так быстро. Пока писала, я будто снова пережила все девять месяцев беременности. От слез счастья, когда держала в руках тест-полоску, до отчаянных рыданий, когда… Нет, по порядку.

ПДР – плановая дата родов – 22 июня, ложиться в роддом нужно за две недели. Это правило, которого все сейчас должны придерживаться. 8 июня я собрала вещи. Свои. Я ничего не покупала для малыша. Сейчас в детских магазинах почти пропали товары для новорожденных: нет подгузников маленьких размеров, нет бутылочек и сосок для первых месяцев жизни, нет пеленок. Их никто не покупает. Больше они не нужны. Это страшно. Помню, когда я носила Алину в животе, мы заранее купили и кроватку, и коляску, и конверт на выписку. Все как у людей. А сейчас это никому не нужно. Я видела циничную рекламу из похоронного агентства. Маленькие гробы и специальные венки. И слоган: «Проводите своего малыша в вечную жизнь». Кукольные гробы. Это невозможно. Невозможно. Я не хочу расставаться со своим сыном. Пока он во мне, он живет, живет.

Я собирала вещи, будто на похороны. Когда мы с Олегом уже должны были уезжать, Алина стояла в коридоре и провожала нас. Я не знала, как она будет реагировать, мне так не хотелось слышать вновь ее претензий или, напротив, видеть ее довольное лицо. В последние дни она была в хорошем настроении, теперь ей можно будет выходить из дома. Она очень этому радовалась и ждала моего отъезда. Мне было больно видеть, что она так счастлива. Но в тот день, когда я стояла уже в прихожей, в ее глазах зажглось что-то другое. Может быть, я придумываю, но тогда я вновь увидела свою маленькую девочку. Подростковое бахвальство куда-то ушло, и она стояла в коридоре с грустным лицом, хотя и старалась этого не показывать.

– Ну что, до встречи? – сказала я, пытаясь сдержать слезы.

– До встречи, – ответила она.

Я была уже в уличной обуви, а она стояла в паре метров от меня. Это был какой-то порыв, я не помню, как сделала те несколько шагов, но вот я уже обнимала дочь. Как всегда полубоком, потому что мешал живот. Мне так не хотелось ее отпускать. Сначала она была какой-то отстраненной, а потом я вдруг почувствовала, что и она крепко обняла меня в ответ.

– Я люблю тебя, солнышко. Больше всего на свете, – сказала я, уже вся в слезах.

– И я тебя, мама. – Я поняла, что она тоже плачет. – Пожалуйста, возвращайся.

– Обязательно.

Тут я почувствовала еще одно объятие. Сзади к нам подошел Олег.

– Ну что вы, плаксы, – с улыбкой сказал он, хотя я услышала по голосу, что муж и сам еле сдерживает слезы. – Все у нас будет хорошо. Мама скоро вернется. Мы даже не успеем соскучиться.

– Не балуйтесь без меня, – сказала я, высвобождаясь из объятий. Так я говорила, когда уходила от них куда-нибудь: погулять по магазинам или посидеть вечером с подругами. И сейчас вдруг хотелось верить, что мы такая же обычная семья, как год назад. И я просто уйду на пару часов и вернусь к ним, а они будут сидеть дома: Алина смотреть телевизор, а Олег играть в приставку. Но нет. Все было по-другому. Слезы душили. Я быстро поцеловала Алину в щеку и подошла к двери.

– Пока, мама, – сказала мне она и помахала рукой.

– Пока, доченька. – Я повернула ручку двери и в последний раз переступила порог своей квартиры. Это было одиннадцать дней назад. А кажется, будто прошла целая жизнь.

Больничная палата. В тот день я впервые переступила ее порог. Это было отделение обсервации. Раньше здесь лежали женщины с малышами, у которых

не все было в порядке: они родились недоношенными, или мамы были чем-то больны. А еще сюда клали девушек из неблагополучных семей, о которых некому было позаботиться. Палаты здесь были маленькими, на два-три человека. Сейчас это было единственное работающее отделение в роддоме. Все остальные были закрыты. Его условно разделили на две части. В одной лежали те, кто только готовился к родам. После их перемещали в другое крыло, чтобы не смущать рыданиями тех, кому все только предстоит.

Палата, в которой я оказалась, была для троих, но одна из кроватей была свободна. На другой лежала молодая девушка. Мы поздоровались. На вид ей было лет семнадцать, то есть вдвое моложе меня. Когда мы чуть позже общались, я узнала, что восемнадцать ей все же уже исполнилось. Варя нигде не училась, забеременела случайно от своего приятеля-ровесника. Ему нужно было идти в армию, но будущим отцам давалась отсрочка, поэтому она и не стала делать аборт. Она жила с ним и его родителями. Ее мать только рада была, что дочь ушла из дома. Присутствие молодой девушки в маленькой квартире смущало ее сожителя. Рожать Варе нужно было через десять дней. Как я поняла, в больнице старались в палатах держать женщин примерно с одинаковым сроком, чтобы они составляли друг другу компанию и не слишком долго оставались одни, после того как кто-то из них уйдет.

Мы много общались с Варей за это время. По уровню интеллекта она мне казалась едва ли не слабее Алины. Я много о чем ей рассказывала: о книгах, фильмах, разные истории из жизни, а она смотрела на меня своими широко распахнутыми глазами и все время говорила: «Какая вы молодец», «Как вы много знаете». На ребенка ей было плевать. Это был лишь способ не расставаться со своим парнем и не возвращаться в дом к матери и отчиму, чего она очень не хотела. Своими проблемами я с ней не делилась, она бы не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ard_vera/pustaya-kolybel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить